

Не все дети, одолевшие военное лихолетье, смогли обнять возвратившихся с войны отцов. Иные и сами получили свою порцию свинца и стали на фронтовых дорогах, подобно украинскому хлопчику, уроженцу села Верабово Днепропетровской области **Станиславу Повному**. Во время эвакуации вместе со старшим братом они потеряли семью. Детей приютили солдаты артиллерийского полка. В декабре 1944 года под Будапештом братья оказались на переднем крае и попали под огонь вражеских миномётов. Старший брат Олег погиб, а Станислав был тяжело ранен и навсегда потерял зрение. После войны окончил школу с золотой медалью и поступил на исторический факультет Ужгородского университета, с дипломом которого приехал в Амурскую область. Работал учителем истории. Писал стихи и рассказы, большей частью о войне, сотрудничал с программой «Содатский час» Амурского радио, публиковался в областных и армейских газетах, различных коллективных сборниках и альманахах. Станислав Петрович Повный издал 16 своих книг, вступил в Союз писателей России. До 70-летия Победы не дожил трёх лет.

Станислав Повный

ИЗ ДЕТСТВА

Кашляли надрывно миномёты
где-то на незримой высоте,
заставляя падать наши роты
прямо в грязь в промозглой темноте.
Землю перепахивали мины.
Закипая, дыбился Дунай.
Ночь. Война. Альфельдская равнина.
Наступленье и передний край.
На исходе был сорок четвёртый.
Память, стой! А сколько ж было мне?
Всё в тумане, только помню твёрдо:
командир строжайше старшине
приказал не брать меня в разведку,
не пускать на линию огня.
Тот кивнул: «Понятно, — малолетка...
Вот такой же дома у меня».
Добрый дядя великан Нелидов...
Старшину я, как отца, любил,
но в ту ночь мальчишечью обиду
на него я в сердце затаил.
Разве мог я думать в ту минуту,
что всего через какой-то час,
кровью сердце обагрив под утро,
воздух он вдохнёт в последний раз?
Мог ли знать, что утром, на рассвете,
от Дуная в двадцати шагах,
мне в лицо огнём ударит ветер
и погасит свет в моих глазах?..

Старшина Нелидов... Ты старался
уберечь мальчишку от огня.

Да не уберёг. Прости меня.
Я б тебе живому не признался.
Но уснул ты в стороне чужой
вечным сном на берегу Дуная,
и шумит, о чём-то вспоминая,
русская берёза над тобой.
И к твоей могиле с обелиском
я сегодня мысленно иду.
Путь мой и нелёгкий, и неблизкий,
через годы, через темноту.
Но с пути мне этого не сбиться,
не споткнусь я и не упаду.
На Дунай по памяти приду,
чтоб твоей могиле поклониться
и сказать: «Прости мне, старшина,
все мои мальчишечьи проказы,
признаюсь: была моя вина
в том, что ты не выполнил приказа...»
Не уйти от горькой той вины,
от неё ничем не откупиться.
Оттого-то зарево войны
до сих пор мне помнится и снится.
А тебе уж не топтать траву,
не встречать рассветы и закаты...
Но поверь мне как солдат солдату —
я теперь за нас двоих живу.

Олег Головки родился за год до войны в селе Рахни-Сабови Винницкой области. Пережил фашистскую оккупацию, оставившую глубокий след в памяти. Окончил Томский институт инженеров железнодорожного транспорта. В 1974 году приехал в Тынду, был начальником отдела энергетике и связи Дирекции строительства БАМа. Руководил литстудией «Звено». Обладая неуёмной энергией организатора, оставил след и в истории Амурской писательской организации, став одним из её учредителей. После возвращения в 1979 году на Украину, в Кременчуг, издал ряд книг на русском и украинском языках.

Олег Головки

* * *

Я отца не пытаю
Про жестокость войны —
Всё по шрамам читаю,
По снегам седины.

Вечно носит с собою,
Словно пламени знак,
Он автографы боя,
Документы атак.

Мне поведали шрамы,
Как на огненный дот,